

На правах рукописи

Третьякова Олеся Владимировна

**ФЕНОМЕН «РОМАН В ПИСЬМАХ»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКОВ**

10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

12 МАР 2012

Екатеринбург - 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический университет»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Ермоленко Светлана Ивановна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Пращерук Наталья Викторовна
кандидат филологических наук, доцент
Воловинская Марина Владимировна
- Ведущая организация:** ФГБОУ ВПО «Удмуртский государствен-
ный университет»

Защита состоится « 16 » марта 2012 года в _____ часов на засе-
дании диссертационного совета Д 212.283.01 при ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический университет» по адресу:
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в информационно-
интеллектуальном центре (научной библиотеке) ФГБОУ ВПО «Ураль-
ский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан «15» февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кубасов А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено жанровой традиции «романа в письмах» в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX веков. В работе доказывается, что результатом освоения жанра западноевропейского эпистолярного романа стало возникновение и дальнейшее развитие в русской словесности особого феномена – «роман в письмах».

Эпистолярный роман - один из самых продуктивных жанров западноевропейской литературы XVIII столетия - неоднократно становился предметом зарубежных исследований. Одни литературоведы изучали историю жанра от самых его истоков, по-разному определяемых¹. Другие - осмыслили роман в письмах в теоретическом аспекте². Обзор работ Ж. Руссе, Ф. Джоста, Д. Альтмана и др. дает основание полагать, что в зарубежном литературоведении эпистолярный роман рассматривается обычно как самостоятельный жанр, стоящий у истоков психологической прозы.

Анализируя многочисленные суждения и упоминания об эпистолярном романе в отечественных исследованиях³, разного рода энциклопедических изданиях в том числе⁴, мы приходим к выводу, что в них, как правило, речь идет не об эпистолярном романе как таковом, а об особом типе повествования

¹ Kany, Ch. E. The Beginnings of the Epistolary Novel in France, Italy and Spain. Berkeley, 1937; Black, F.G. The Epistolary Novel in the Late XVIIth Century. Eugene, 1940; Singer, G.F. The Epistolary Novel. Its Origin, Development, Decline and Residual Influence. New York, 1963; Day, R.A. Told in Letters. Epistolary Fiction before Richardson. Ann Arbor, 1966; Blum, C. B. The Epistolary Novel of the Ancient Regime: Ph. D. Dissertation. Columbia University, 1966; Versini, L. Le Roman epistolaire. Paris, 1979; Ward, K. Dear Sir or Madam: The Epistolary Novel in Britain in the Nineteenth-Century: Ph. D. Dissertation. University of Wisconsin-Madison, 1989.

² Rousset, J. Une forme litteraire: le roman par lettres // Rousset J. Forme et Signification. Essai sur les structures litteraires de Corneille a Claudel. Paris, 1962; Jost, F. Le Roman epistolaire et la technique narrative au XVIIIe siecle // Comparative Literature Studies, 1966. P. 397-427; Altman, J.G. Epistolary Approaches to a Form. Columbus, 1982; Duyfhuizen, B. Epistolary Narration of Transmission and Transpassion // Comparative Literature. - 1985. - V. 37. - № 1.

³ См., напр.: Вольперт, Л.И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллин, 1980; Елина, Е.Г. Эпистолярные формы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Саратов, 1981; Киреев, Р. Реквием по жанру // Литературная учеба. - 1985. - № 6. - С.156-161; Логунова, Н.В. Эпистолярный жанр в русской литературе 2-ой половины XVIII – первой трети XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов–на–Дону, 1999; Белонова, Н.И. Дружеское письмо творческой интеллигенции как эпистолярный жанр // Филологические науки. - 2000. - №5 и др.

⁴ Урнов, Д.М. Эпистолярная литература // Краткая литературная энциклопедия / под ред. А.А. Суркова. М., 1968. Т.5. С. 918; Крутатов, Л. Эпистолярная форма // Словарь литературоведческих терминов / сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М., 1974. С. 469; Соколянский, М. Г. Эпистолярный роман // Литературоведческие термины: материалы к словарю. Коломна, 1999. Вып. 2. С. 987-1012; Муравьев, В.С. Эпистолярная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 1234 и др.

или же «эпистолярной прозе» вообще, которая трактуется порой как некий особый самостоятельный жанр⁵.

Ситуация осложняется еще и тем, что в русской литературе к «романам в письмах» относятся не только произведения, созданные в жанре эпистолярного романа, но и эпистолярные повести, принадлежность которых к популярной в России жанровой традиции подчеркивали сами авторы, например: «Роман в семи письмах» А.А. Бестужева-Марлинского, «Роман в двух письмах» О.М. Сомова, «Письма совоспитанниц» С.А. Закревской, «Письма Энского к одному приятелю в Петербурге» П.П. Каменского, опубликованные в «Московском наблюдателе» за 1838 год «Письма» неизвестного автора и др.

Вследствие вышесказанного приходится констатировать, что не только не описана до сих пор специфика отечественного феномена «роман в письмах» как двужанрового образования, но и не определены те критерии, в соответствии с которыми возможно было бы разграничение близких, но не тождественных жанров - эпистолярного романа и эпистолярной повести. О неразличении этих двух жанровых форм свидетельствуют, в частности, ведущиеся до сих пор в литературоведении споры о том, к какой из них тяготеет незавершенный текст А.С. Пушкина 1829 года, известный под редакторским заглавием «Роман в письмах».

В отечественном литературоведении попытка описания жанровой модели эпистолярного романа была предпринята О.О. Рогинской⁶. Наблюдения исследователя над соотношениями переписки и обрамляющих структур (слово издателя), переписки и вставных жанров, которые могут входить в корреспонденции, «реального» мира героев и их субъективного мира, над оппозицией подлинное / вымышленное представляются нам ценными, и мы учитываем их в своей работе. Однако специфика жанровой природы эпистолярного романа – самостоятельного, по утверждению О.О. Рогинской, романного жанра - оказалась, с нашей точки зрения, не до конца выявленной, поскольку выделенные «оппозиции», характеризующие инвариант жанра, не позволяют отграничить роман в письмах от других жанров эпистолярной прозы, прежде всего, от эпистолярной повести.

Актуальность темы исследования определяется недостаточной степенью изученности «романа в письмах» как феномена русской литературы, представленного двумя жанровыми разновидностями - эпистолярным романом и эпистолярной повестью, его роли в формировании психологизма русской прозы⁷.

Объектом исследования в работе является феномен «роман в письмах» в русской литературе конца XVIII - первой трети XIX веков.

Предмет исследования – жанровая специфика данного феномена.

⁵ См., напр. : *Елистратова, А.* Эпистолярная проза романтиков // Европейский роман-тизм. М., 1973. С. 309-351.

⁶ *Рогинская, О.О.* Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

⁷ Здесь и далее принято написание: *в кавычках* – «роман в письмах», если имеется в виду исследуемый в диссертации феномен русской литературы; *без кавычек*, если речь идет о жанре эпистолярного романа.

Цель нашей работы – установить, в чем состоит сущность феномена «роман в письмах» в русской литературе конца XVIII - первой трети XIX веков, понять, какое значение он имеет в развитии русской психологической прозы.

Задачи исследования:

- описать жанровый канон романа в письмах, как он сформировался в западноевропейской литературе XVIII столетия;
- выяснить характер и степень усвоения русскими писателями жанровой эпистолярной традиции;
- «очертить» круг произведений русской литературы конца XVIII - первой трети XIX веков, имеющих отношение к феномену «роман в письмах»;
- проследить этапы эволюции феномена «роман в письмах» в отечественной словесности, выявив основные факторы, ее обусловившие;
- раскрыть специфику эпистолярных повести и романа как разных жанровых образований; на основе этого установить жанровую принадлежность анализируемых в диссертации произведений, относящихся к феномену «роман в письмах»;
- определить значение эпистолярных романа и повести в формировании психологизма русской литературы первой трети XIX столетия.

Материал исследования. В центре нашего внимания произведения отечественной словесности в жанрах эпистолярного романа и эпистолярной повести, созданные в конце XVIII - первой трети XIX веков: «Письма Эрнеста и Доравры» (1766) Ф.А. Эмина; «Роза» (1788), «Игра судьбы» (1789) Н.Ф. Эмина; «Российский Вертер» (1792) М.В. Сушкова; «Всеволод и Велеслава» (1807) Н.Н. Муравьева, «Самоубийство» (1810) (автор неизвестен); «Евгения, или Письма к другу» (1818) И.В. Георгиевского; «Роман в семи письмах» (1823) А.А. Бестужева-Марлинского; «<Роман в письмах>» (1829) А.С. Пушкина; «Поездка в Германию» (1831) Н.И. Греча; «Роман в двух письмах» (1832) О.М. Сомова; «Последний Колонна» (1832-1841) В.К. Кюхельбекера; «Любовь поэта» (1835) А.В. Тимофеева; «Сильфида» (1836), «Княжна Зизи» (1838) В.Ф. Одоевского; «Письма совоспитанниц» (1837) и «Институтка» (1841) С.А. Закревской; «Письма Энского... » (1838) и «Искатель сильных ощущений» (1839) П.П. Каменского; «Письма» (1838) (автор неизвестен).

В ходе исследования мы руководствуемся различными методами научного анализа в зависимости от стоящих перед нами задач: историко-генетическим методом - при изучении истоков зарождения феномена «роман в письмах», определении логики его развития; историко-функциональным методом - при рассмотрении вопроса о особенностях восприятия западноевропейского романа в письмах русскими читателями и критикой первой трети XIX века. Сравнительно-исторический метод исследования используется при сопоставлении русского «романа в письмах» с западноевропейскими образцами жанра. Анализируя отдельные произведения, в первую очередь, роман «Поездка в Германию» Н.И. Греча, применяем системно-структурный метод.

Методологической базой исследования являются фундаментальные труды М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Н.Л. Лейдермана, Е.М. Мелетинского и

др., посвященные проблеме жанра как важнейшей категории литературного процесса, жанра романа в частности, Б.О. Кормана - по теоретическому обоснованию системно-субъектного анализа художественного произведения, работы по теории и истории эпистолярных жанров (романа и повести), существующие как в зарубежном (Ж. Руссе, Дж. Альтман, М. Фраанье и др.), так и в отечественном литературоведении (М.Г. Соколянский, Л.И. Вольперт, О.О. Рогинская и др.).

Основополагающей в нашем исследовании является разработанная Н.Л. Лейдерманом теория жанра, обуславливающая методику анализа художественного произведения, которой мы руководствуемся⁸.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые «роман в письмах» осмысливается в жанровом аспекте как феномен, специфический для русской литературы, выясняется его роль в становлении русской психологической прозы. На основе анализа «романов в письмах», включая произведения, впервые вводимые нами в научный оборот («Любовь поэта» А.В. Тимофеева, «Письма» неизвестного автора, «Письма совоспитанниц» С.А. Закревской), сформулированы критерии, позволяющие увидеть различие между эпистолярным романом и эпистолярной повестью. В контексте феномена «роман в письмах» рассматривается произведение Н.И. Греча «Поездка в Германию», не являвшееся до сих пор предметом специального исследования в отечественном литературоведении.

Положения, выносимые на защиту

- Результатом освоения русской литературой конца XVIII – первой трети XIX веков традиции западноевропейского эпистолярного романа стало возникновение феномена «роман в письмах», бытовавшего в двух жанровых формах - эпистолярный роман и эпистолярная повесть.
- К «роману в письмах» относятся произведения, в которых сохранены канонические признаки западноевропейского эпистолярного романа, как-то: переписка героев; фигура издателя / редактора, разъясняющего мотивировку публикации писем (а порой и комментирующего их); устойчивые сюжетные мотивы, лежащие в основе «истории» переписки (соблазнение девушки / женщины опытным в любовных делах «светским львом», адюльтер, «любовный треугольник» и другие); рефлексия над европейской жанровой традицией.
- Феномен «роман в письмах» зарождается в русской литературе в конце XVIII века. В его эволюции прослеживаются следующие этапы: подражательный («Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина, «Роза», «Игра судьбы» Н. Эмина); этап творческого освоения, когда, ориентируясь на жанровый канон, русские авторы создают оригинальные произведения («Российский Вертер» М. Сушкова, «Всеволод и Велеслава» Н. Муравьева, «Самоубийство» (неизвестного автора), «Евгения, или Письма к другу» И. Георгиевского, «Роман в семи письмах» А. Бестужева, «Роман в двух письмах» О. Сомова, «Любовь поэта» А. Тимофеева, «Письма» (неизвестного автора), «Сильфида», «Княжна

⁸ См.: Лейдерман, Н.Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Ин-т филол. исследований и образоват. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2010. С.17-143.

Зизи» В. Одоевского, «Письма совоспитанниц» С. Закревской, «Письма Энского...» П. Каменского); этап диалога с традицией, выразившегося в творческом переосмыслении жанрового канона («<Роман в письмах>» А. Пушкина), «Поездка в Германию» Н. Греча, «Последний Колонна» В. Кюхельбекера).

- Главным критерием, позволяющим разграничить жанры эпистолярного романа и эпистолярной повести, является специфика субъектной организации, несущей на себе основную «тяжесть» жанровой конструкции, а именно: характер диалога между адресатом и адресантом. Романом востребован диалогический потенциал переписки (в произведениях этого жанра обычно не одна, а несколько линий переписки). Вследствие этого образ мира в произведении предстает сквозь призму диалога, по-романному сложно отражаясь в свете разных сознаний. В эпистолярной повести адресат, как правило, выступает в качестве «молчаливого собеседника», назначение которого состоит лишь в том, чтобы внимать исповеди адресанта. Все изображаемое, таким образом, дается в свете только одного сознания, рамками которого ограничен воссоздаваемый в повести образ мира.

- Эволюция феномена «роман в письмах» подчинена общей логике развития русской прозы конца XVIII - первой трети XIX веков в условиях смены литературных направлений, характеризующегося движением от изображения внешних проявлений эмоционального состояния человека к воссозданию сложной душевной жизни личности. «Романы в письмах», накапливая художественный опыт раскрытия внутреннего мира личности, способствовали формированию русской психологической прозы.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении представления о жанровой специфике эпистолярного романа и эпистолярной повести как разновидностей, соответственно, психологического романа и психологической повести.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут использоваться в преподавании вузовских курсов «История русской литературы» (XVIII и XIX веков), «История зарубежной литературы» (XVIII и XIX веков), а также в спецкурсах, посвященных проблемам русской психологической прозы и истории русского романа.

Апробация работы. Материалы исследования послужили основой для докладов на научных конференциях разного уровня: *межвузовских* научных конференциях молодых ученых «Философия и наука» (Екатеринбург, 2005), «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2005); *региональной* «Шадринские чтения – 2004» (Шадринск, 2004); *всероссийских* конференциях «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Дергачевские чтения - 2004» (Екатеринбург, 2004), «Проблемы анализа литературного произведения в системе филологического образования: наука – вуз – школа» (Екатеринбург, 2004), «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука – вуз – школа» (Екатеринбург, 2005), «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Юбилейные Дергачевские чтения - 2011» (Екатеринбург, 2011); *международных* «Современные направления научных исследований» (Екатеринбург, 2010), «Наука и современность - 2010» (Новосибирск, 2010).

Этапы исследования и его результаты обсуждались на заседаниях аспирантского семинара и заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета. Основные положения работы нашли отражение в 12 публикациях автора, из которых 2 - в ведущих рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК МОиН РФ.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 200 наименований.

Основное содержание работы

Во введении обосновываются актуальность и новизна выбранной темы, определяются цель, задачи работы, пути решения проблемы, обуславливающие логику исследования и его структуру.

I глава *«Западноевропейский эпистолярный роман и его восприятие на русской почве»* посвящена проблеме жанрового канона западноевропейского эпистолярного романа XVIII века, его рецепции в русской литературе.

В первом параграфе (*«Западноевропейский эпистолярный роман в свете жанрового канона»*) на основе анализа вершинных произведений западноевропейской литературы в жанре эпистолярного романа (*«Памела, или Вознагражденная добродетель»* (1740), *«Кларисса, или История молодой леди...»* (1747-1748) С. Ричардсона, *«Юлия, или Новая Элоиза»* (1761) Ж.Ж. Руссо, *«Страдания юного Вертера»* (1774) И.В. Гете, *«Опасные связи»* (1782) Ш. де Лакло) формулируется представление о его жанровом каноне.

Западноевропейский эпистолярный роман XVIII века, именно как *романный* жанр, сформировался преимущественно в условиях сентименталистской художественной системы, во многом восприняв ее концепцию «естественного» чувства, природного начала в человеке. Материалом для эпистолярного романа, «который отобран жанром и стал особой художественной реальностью произведения»⁹, является частная, эмоциональная сфера жизни человека. Эпистолярный роман характеризуется как экстенсивностью воспроизведения действительности, так и интенсивностью. Если первый принцип связан с изображением внешнего объективного мира (корреспонденты могут не только описывать среду своего обитания, но и размышлять над политическими, нравственными, философскими вопросами), то последний – с представлением внутреннего мира пишущего героя. При этом объективный мир изображается сквозь призму субъективного взгляда пишущих героев.

Субъектно-объектные отношения в эпистолярном романе отражают диалогическую сущность художественного мира произведения. Издатель, опубликовавший письма героев, является субъектом по отношению ко всей переписке. В эпистолярной части (в сюжете внутреннем) адресант выступает субъектом собственных писем, однако в рамках ответных корреспонденций субъект меняется: адресант предыдущего письма, события, о которых он рассказывал, само письмо становятся объектами для нового субъекта.

⁹ Лейдерман, Н.Л. Теория жанра. С.109.

Субъектная организация¹⁰ в эпистолярном романе «выдвинута» вперед, неся на себе основную «тяжесть» жанровой конструкции. Ее специфика обнаруживается, прежде всего, в том, что одни герои наделяются статусом пишущих, другие – нет. Письменный диалог позволяет раскрыть субъективный мир каждого из его участников. Выступая в качестве субъектов речи, адресат и адресант выражают преимущественно собственное сознание. Ведя беседу «на расстоянии» с адресатом, адресант отвечает на его вопросы, комментирует отдельные высказывания, пытается предугадать реакцию адресата. То же происходит, когда адресант и адресат меняются ролями. Таким образом, в переписке героев взаимоотражаются их сознания. Не пишущие персонажи могут быть «говорящими» в рамках корреспонденций пишущих героев. При этом слово и стоящее за этим словом сознание «говорящего» персонажа - субъекта речи - оказывается преломленным через сознание адресанта – пишущего героя. Субъектная организация определяет горизонт видения мира в произведении, его пространственный и временной масштабы, которые формируются «в свете “точек зрения” субъектов речи и сознания»¹¹.

В пространственно-временной архитектонике эпистолярного романа «реальный» («внешний» по отношению к переписке) мир, в котором «живут» герои, художественно воссоздаваемый посредством прежде всего предметного модуля, имеет зачастую большие временные и пространственные масштабы. Мир же переписки - сугубо субъективный, «внутренний» - как правило, замкнутый, локальный по своему времени и пространству. В целом образ мира в эпистолярном романе окрашен переживаниями и рефлексиями ведущих диалог пишущих героев.

Для западноевропейских романов в письмах характерно обращение к жанровой традиции, в рамках которой создается произведение. Упоминания об эпистолярных романах – предшественниках, их авторах и героях создают ассоциативный фон, расширяющий художественные горизонты произведения. Эпистолярным романам свойственна определенная система («жанровых мотивировок»), благодаря которым «автор не просто намечает скрытую связь, он как бы “задает” ее, указывает на нее читателю, заранее “программируя” ход его ассоциаций в процессе восприятия текста»¹². В качестве мотивировок восприятия обычно выступают прямые жанровые обозначения, эпиграфы к роману, предисловия, послесловия и/или комментарии издателя / редактора и, наконец, сами письма. Данные приемы «вводят» читателя в жанр эпистолярного романа.

Проблема восприятия западноевропейской жанровой традиции в России рассматривается во втором параграфе (*«Рецепция западноевропейского эпистолярного романа в России»*). В нем сделан обзор критических отзывов, рецензий на эпистолярные романы, переводов произведений в жанре романа в

¹⁰ В диссертации мы опираемся на понимание субъектной организации произведения, предложенное Б.О. Корманом (см.: *Корман, Б.О. Избранные труды. Методика вузовского преподавания литературы*. Ижевск, 2009).

¹¹ *Лейдерман, Н.Л. Теория жанра*. С.121.

¹² Там же. С.135.

письмах, выполненных на рубеже XVIII - XIX веков. Большой интерес к европейскому эпистолярному роману в России, о чем свидетельствуют многочисленные отклики и рецензии (В. Головиной, Н. Карамзина, А. Мерзлякова, Ж. Лагарпа, Н. Полевого, С. Франца и др.), обнаруженные нами в периодических изданиях того времени, и появляющиеся один за другим переводы (полагаем, условно можно обозначить три «волны» переводов: 1760-е годы, 1780-1790-е годы, 1800-е годы), был обусловлен все усиливающимся вниманием к внутреннему миру человека, которым была отмечена эпоха сентиментализма и нарождающегося романтизма. Эпистолярный роман самой своей жанровой спецификой был предназначен для раскрытия внутренней жизни личности, ее свободного, ничем не скованного самовыражения.

Первые отечественные произведения в жанре эпистолярного романа анализируются в **третьем параграфе («Русский “роман в письмах”: от подражания к творческому освоению»)**. В ходе наблюдения над отечественными «романами в письмах» мы пришли к выводу о том, что в русском читательском сознании представление о жанровом каноне эпистолярного романа формируется на основе «знаковых» образцов данного жанра - «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.Ж. Руссо и «Страдания юного Вертера» И.В. Гете.

Факт обращения к европейской традиции эпистолярного романа может указываться создателями как в названиях русских произведений (например, «Российский *Вертер*» М. Сушкова), так и в самом тексте «романов в письмах» - в упоминаниях имен героев эпистолярных романов, их авторов.

В развитии феномена «роман в письмах» можно выделить следующие этапы. Начальный этап - 60-80-е годы XVIII века - определяется в диссертации как *подражательный* («Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина, «Роза», «Игра судьбы» Н. Эмина), когда «по канве» западноевропейского романа воспроизводится его русифицированный вариант (чаще всего на этом этапе в качестве образца для подражания выступает «Новая Элоиза» Ж.Ж. Руссо).

90-е годы XVIII века - 10-е годы XIX века отмечены *творческим освоением* жанровой традиции, когда, наряду с произведениями романного жанра, которые уже утрачивают свою откровенную подражательность, но и не порывают с традицией («Всеволод и Велеслава» Н. Муравьева), создаются эпистолярные повести с «молчаливым» адресатом (то есть произведения, характеризующиеся «усечением» переписки за счет отсутствующих ответных писем), что можно рассматривать как своего рода реакцию на длинноты европейского эпистолярного романа («*Роман классический, старинный, / Отменно длинный, длинный, длинный...*»). В этих повестях (например, «Российский *Вертер*» М. Сушкова, «Евгения, или Письма к другу» И. Георгиевского) по-своему проявляется тенденция к монологизации (сосредоточенности на внутреннем мире личности), которая, усиливаясь, отчетливо заявит о себе в 30-е годы.

И, наконец, - 20 - 30-е годы XIX века. Предпринятый нами обзор русских периодических и других изданий конца XVIII - первой трети XIX веков, хранящихся в фондах государственных библиотек Москвы и Петербурга, позволяет с большой долей уверенности говорить об интенсификации эпистолярных жанров в 30-е годы. При этом в системе жанров эпистолярной прозы все большую значимость начинает приобретать роман (««Роман в письмах»»

А. Пушкина, «Поездка в Германию» Н. Греча, «Последний Колонна» В. Кюхельбекера). Авторами эпистолярных романов и повестей являлись как выдающиеся писатели, так и художники «второго ряда». «Роман в письмах» оказался «созвучным» времени 30-х годов – «эпохе философствующего духа, размышления, рефлексии» (В.Г. Белинский).

Во II главе «*Эпистолярная повесть: динамика жанра*» мы пытаемся определить жанровую специфику эпистолярной повести, как она складывается в эпоху романтизма, установить критерии, которые позволяют увидеть различия между ней и эпистолярным романом, и, кроме того, понять, как эволюционирует эта жанровая форма в русской литературе 1830-х годов.

Проблема жанровой специфики эпистолярной повести раскрывается в первом параграфе главы («*«Молчаливый собеседник» эпистолярных повестей 30-х годов*»). В нем анализируются повести «Роман в семи письмах» А. Бестужева, «Роман в двух письмах» О. Сомова, «Любовь поэта» А. Тимофеева, «Письма» неизвестного автора. С определенной оговоркой к этой группе произведений можно отнести повести В. Одоевского «Сильфида» и «Княжна Зизи», в эпистолярной части которых представлены письма только адресанта. Жанровая структура названных произведений характеризуется пассивностью адресата и сжатостью пространственно-временной организации. История любви, которая по-прежнему лежит в основе эпистолярного сюжета, укладывается в небольшой отрезок времени, разворачивается в ограниченном, локальном пространстве. Таким образом, и субъектная организация, и хронологическое построение произведения такого образа мира, который свойствен именно повести как «среднему» жанру эпоса.

Эпистолярная повесть предстает как бы «главой, вырванной из романа» (В.Г. Белинский), отставляя за рамками произведения вопрос мотивировки издания переписки, предысторию отношений героев, ответные корреспонденции собеседника. Но именно оглядка на канон и позволяет культурному читателю восполнять недостающие «страницы» эпистолярной повести, воспринимая ее в контексте жанровой традиции.

Особенно «чутким» к изменению жанрового канона в 1830-е годы оказывается, как мы увидели, адресат. В большинстве повестей в письмах адресат назван, однако в описываемых событиях он не участвует. Ответы адресата не просто опущены (хотя ясно, что в «реальной» жизни героев переписка осуществляется), но они не проявлены даже в виде цитат в письмах главного героя. Адресат становится «молчаливым собеседником»¹³, все назначение которого состоит в том, чтобы «выслушать» исповедь адресанта.

Потеря установки на диалог, когда все изображаемое дается в кругозоре одного пишущего героя, сосредоточенного на самом себе, по нашему мнению, есть специфический жанровый признак *эпистолярной повести* эпохи романтизма, сказывающийся на всех уровнях жанровой структуры, прежде всего, на уровнях субъектной и пространственно-временной организаций.

¹³ Определение Н.В. Сапожниковой (*Сапожникова, Н.В. Эпистолярный дискурс как социальный феномен: Россия: век XIX. Екатеринбург, 2003. С.114*).

Обращение во втором параграфе второй главы («От «отрывка из романа» к «роману в письмах»...») к произведениям писателей «второго ряда» (как, впрочем, и в других разделах диссертации) обусловлено тем, что в них отчетливо заявляет о себе тенденция, характеризующая литературный процесс 30-х годов XIX века, связанная с возникновением нового литературного направления¹⁴. Данная тенденция выражается в движении от монологизма к диалогизму как конструктивному художественному принципу, реализующемуся на всех уровнях жанровой структуры произведения, а значит - определяющему особенности изображения внутреннего мира личности в ее связях с миром. Вследствие этого закономерным, с нашей точки зрения, становится «перерастание» эпистолярных повестей П.П. Каменского («Письма Энского...») и С.А. Закревской («Письма совоспитанниц» (которые были обозначены самими авторами как, соответственно, «отрывок из романа», «начало романа», но воспринимались читателями как произведения завершенные) в романы - «Искатель сильных ощущений» и «Институтка». Речь идет о своего рода творческом эксперименте, который предпринимают, с разной степенью успешности, авторы, отвечая на эстетические вызовы времени, когда на основе «старого» материала создается произведение новой жанровой формы с учетом уже иных творческих принципов изображения.

Рассмотренные во второй главе произведения, как повести, так и романы, позволяют понять логику развития феномена «роман в письмах» в 30-е годы, обнаруживающуюся в движении от односубъектности - монологичности («Роман в семи письмах А. Бестужева, «Любовь поэта» А. Тимофеева, «Письма» неизвестного автора, «Письма Энского...» П. Каменского), к полисубъектности, предполагающей, если не реализованный диалог, то, по крайней мере, его возможность. Следствием этого является усложнение субъектной организации, которое осуществляется как за рамками эпистолярной части произведения («Сильфида», «Княжна Зизи» В. Одоевского, «Искатель сильных ощущений» П. Каменского), так и в собственно эпистолярной - путем введения нескольких линий переписки, а значит и нескольких пишущих героев («Институтка» С. Закревской). В свою очередь, усложняется и образ мира, предстающий в свете уже не одного, а нескольких, разных сознаний, воссоздающийся всеми уровнями жанровой структуры произведения. Дальнейшее развитие этих тенденций характеризует уже не эпистолярную повесть, которая в рамках романтической системы исчерпала свои возможности, а другой эпистолярный жанр - роман в письмах. Роман, предоставляющий автору большие, в сравнении с повестью, возможности изображения действительности, оказывается предпочтительной эпистолярной жанровой формой в эпоху утверждающегося реализма.

¹⁴ «... Для характеристики установившегося в данную эпоху жанрового типа произведения второстепенных писателей могут быть показательнее, чем произведения писателей первоклассных» (Жирлуцкий, В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1982. С. 226).

Анализу отечественных романов в письмах, в которых, по нашему мнению, творчески переосмысливается жанровая традиция, посвящена III глава работы *«Эпистолярный роман 30-х годов: диалог с традицией»*.

В первом параграфе главы (*«"Последний Колонна" В.К. Кюхельбекера как романтический роман в письмах»*) предпринимается сопоставительный анализ романа В. Кюхельбекера «Последний Колонна» с эпистолярным романом Ж. Санд «Жак» (1834).

В результате анализа выявляется типологическое сходство двух произведений, обусловленное ориентацией на одну и ту же жанровую традицию и приверженностью обоих авторов к романтическим принципам изображения. И В. Кюхельбекер, и Ж. Санд сосредоточиваются на раскрытии внутреннего мира главного героя – сложной, противоречивой и исключительной личности, что подчеркивается уже названиями романов. Для этого писатели прибегают к моноцентрическому типу построения произведений, когда все повествование «стягивается» к образу героя-протагониста, который становится идейно-композиционным фокусом романа.

Вместе с тем, сравнительный анализ убеждает в том, что Кюхельбекеру удастся достичь большей полноты и психологической достоверности в обрисовке характера центрального персонажа, динамики его внутренней жизни. Очевидно, что Кюхельбекер, оставаясь романтиком, учитывает завоевания реализма 30-х годов в понимании и изображении человека. Это обнаруживается в стремлении русского писателя к многоаспектности изображения характера главного героя. Наряду с письмами-исповедями, Кюхельбекер включает в повествование «выписки» из дневника Колонны, запечатлевающие всю глубину его внутренней драмы, а главное – представляет героя в свете разных сознаний, оценок, которые дают ему другие персонажи. Таким образом, герой изображается не только «изнутри» (что обычно для произведения эпистолярного жанра), но и «извне» - «со стороны».

Обогащая эпистолярную традицию достижениями новой торжествующей художественной системы, Кюхельбекер не только раскрывает внутренний мир героя-индивидуалиста, но и показывает опасность ничем не ограниченного своеволия, что станет вскоре одной из основных тем русской литературы.

Тенденция к все большей психологизации, заявляющая о себе в романе В.К. Кюхельбекера, соответствует основному направлению русского литературного процесса. И в этом смысле можно говорить о том, что изучение эпистолярного романа «Последний Колонна», не ставшего «литературным фактом» своего времени (поскольку впервые он был опубликован только в 1937 году), необходимо для понимания становления русской психологической прозы.

В центре второго параграфа (*«"Поездка в Германию" Н.И. Греча: забытая страница русской романистики»*) – одно из забытых произведений русской романной прозы. Анализируя «Поездку в Германию», мы сосредоточиваем внимание на особенностях его субъектной и пространственно-временной организаций. В эпистолярном романе Н.И. Греча все изображаемое дается в свете сознаний двух главных героев – Дмитрия Мстиславцева и Луизы Миллер. Вместе с тем «право голоса» предоставлено и не пишущим, но

«говорящим» персонажам. Их слово входит в письма главных корреспондентов либо в цитатной форме, либо преимущественно в форме несобственно-прямой речи, отражая социальный статус «говорящих», степень их образованности, уровень духовности. «Чужая» речь в романе Н.И. Греча, преломленная через сознание центральных пишущих героев, воспринимается как речь, выражающая иное, «чужое» сознание. Вследствие этого в романе оказываются запечатленными разные точки зрения, разные отношения к миру. Таким образом, в «Поездке в Германию», несмотря на перволичную форму повествования, свойственную эпистолярным произведениям, изображаемая действительность предстает в свете множества сознаний, благодаря чему возникает пороманному многогранный образ мира.

По-романному сложен и хронотоп «Поездки в Германию». В романе дорога, или, по терминологии М.М. Бахтина, «большая дорога», приобретает важное сюжетно-композиционное значение, определяя пространственно-временную архитеконику произведения¹⁵. Главный герой, Дмитрий Мстиславцев, совершает путешествие не только по дорогам в «реальном» географическом пространстве, но и, как мы увидели, по «ландшафту» своих воспоминаний. Движение по городам и весям германской земли - это движение вперед, из настоящего - в будущее («по казенной надобности»). Воспоминания героя - движение во времени вспять, в мир своей памяти, из настоящего - в прошлое (уже по «собственной надобности»). Прошлое Мстиславцева всякий раз напоминает о себе в настоящем, приобретая над героем особую власть: «Воспоминания прошедшего времени спят иногда по несколько лет в душе нашей: - чуть затронь струну, которая их касается, и они возникают с прежнею живостью, украшенные еще блеском воображения, лишенные вседневной примеси...»¹⁶.

В отличие от писем Мстиславцева и его воспоминаний, корреспонденции Луизы Миллер написаны по следам событий. Героиня рассказывает о том, что происходит с ней в настоящем времени. То есть ее «нарративное» время и время «событийное» практически совпадают, тогда как в письмах Мстиславцева эти времена различны. История главных героев получает, следовательно, двойное «освещение»: «из настоящего» - в письмах Луизы и «из прошлого» - в воспоминаниях об этом же времени Мстиславцева. Такая временная организация подчеркивает одинаковую значимость в романе прошлого и настоящего, открытого в будущее, их неразрывную связь.

И сюжетобразующая история любви главных героев, и хронотоп дороги / путешествия, связывающий пространства и времена, сообщают художественную целостность «Поездке в Германию». Без этого произведения Н.И. Греча, как и без «Последнего Колонны» В.К. Кюхельбекера, история становления русского классического романа вряд ли может быть полной.

¹⁵ См.: Бахтин, М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975. С. 276.

¹⁶ Греч, Н.И. *Поездка в Германию*. Роман в письмах // Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Николая Греча. СПб.: Изд-во Александра Смирдина, 1855. Т.2. С. 22.

В заключительном параграфе («*«Роман в письмах» А.С. Пушкина: «новые узоры» «по старой канве»*») мы останавливаемся на фрагменте А.С. Пушкина «*«Роман в письмах»*». В «*«Романе...»*» две параллельные линии переписки: Лиза ведет письменную беседу с Сашей; Владимир – с другом. Характер диалога, в который вступают героини, таков, что Саша «говорит» за Лизу то, в чем последняя не решается признаться самой себе. Роль адресата, таким образом, оказывается очень значимой у Пушкина (в отличие от романтических эпистолярных повестей), поскольку без него невозможно было бы понять сознание адресанта. Исповедь Лизы в письмах Саше – скорее «псевдо-исповедь», предполагающая сокрытие истинных мотивов поведения, которые как раз и угадываются адресатом. В диалоге каждая из подруг способна читать «между строк».

Друг также играет важную роль в раскрытии внутреннего мира Владимира. Благодаря письмам друга читатель получает новую, дополнительную информацию о главном герое, что способствует усложнению его образа. Друг нередко «оттеняет» философические рассуждения Владимира своими ироническими замечаниями, вследствие чего сообщается живой, непринужденный характер их письменному диалогу. Корреспонденты хорошо понимают друг друга: «Это было б похоже на тебя», - напишет друг Владимиру, полагая, что тот вернется в Петербург, узнав о приезде «прежней приятельницы».

Именно в переписке с друзьями, в атмосфере доверия и взаимного понимания получают все более ясные очертания образы главных героев романа – Лизы и Владимира. Без адресатов, в письмах которых «договариваются», «проявляются» не высказанные еще или намеренно скрываемые чувства и мысли центральных персонажей, была бы невозможна та полнота освещения их внутренних миров, к которой стремится Пушкин.

Художественный принцип диалогизма, реализуемый в пушкинском отрывке, в нашем понимании, - это не только в полном смысле состоявшийся диалог между героями-корреспондентами. Само подчеркнутое во фрагменте обращение к жанровой традиции (роману С. Ричардсона «Кларисса») можно рассматривать как диалог автора с ней. Автор «*«Романа в письмах»*» использует такой рефлексивный прием, в соответствии с которым развитие сюжета, традиционного для эпистолярного романа, «видят со стороны» не «другие» герои, наблюдая за кем-то (подобно тому, как, например, в романе Ш. де Лакло «Опасные связи» маркиза де Мертей и виконт де Вальмон наблюдают за своими «жертвами»). Привычку проецировать поведение литературных персонажей на себя главные герои замечают у самих же себя («... нашла я целый шкаф, наполненный старинными романами. <...> и начала Ричардсоном»; «... живу в глухой деревне и разливаю чай как Кларисса Гарлов»; «Спешу объяснить и заметить гордо, как истинная героиня романа...»; «Он добьется моей любви, моего признания, - потом... оставит меня – а я... Какая ужасная будущность!»).

Таким образом, отношение к жанровой традиции в пушкинском фрагменте имеет сложный характер: с одной стороны, «старинные романы» в ричардсоновском духе безнадежно «устарели» («... как странно читать в 1829 году роман, писанный в 1775-м»), с другой - литературные стереотипы поведе-

ния, сформированные ими, оказывается, дают о себе знать и в современной автору эпохе.

Исследователи неоднократно цитировали слова Лизы, адресованные некоему «Р*»: «Полно ему тратить ум в разговорах с англичанками! Пусть он *по старой канве вышьет новые узоры* и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает»¹⁷. В этой фразе героини романа выражена мысль самого Пушкина о еще не использованных возможностях «старой» формы, способной вместить новое содержание, которые открываются в процессе диалога с традицией.

Обобщая наблюдения над отечественными романами в письмах 30-х годов, делаем вывод о том, в чем именно обнаруживается творческое осмысление западноевропейской жанровой традиции.

В отличие от западноевропейских образцов жанра в отечественных романах 30-х годов нет любовной переписки. Не ведут переписку главные герои незаконченного «<Романа в письмах>» А.С. Пушкина, предпочитая личное общение. Находясь в разлуке, любящие герои «Поездки в Германию» Н.И. Греча, Мстиславцев и Луиза, также не пишут друг другу. В романе «Последний Колонна» не представлена переписка Наденьки со своим женихом, Пронским. Влюбленный в Надежду Горич, Дживонни Колонна также не пишет ей писем.

Мотив «любовного треугольника» прослеживается во всех рассмотренных нами романах, однако получает в них новое развитие. Если в европейских эпистолярных романах на пути к счастью влюбленных, как правило, стояли неодолимые преграды, то в русских романах этой преграды нет. Так, в «Поездке в Германию» любовный треугольник вскоре разрешается без каких-либо усилий со стороны главных героев: претендующий на руку героини Кибиц, став банкротом, отказывается от помолвки и, таким образом, не препятствует влюбленным. Отец Луизы, первоначально настаивавший на том, чтобы дочь вышла замуж непременно за немца, в конце романа с радостью соглашается на ее брак с Мстиславцевым, хотя он является немцем лишь наполовину. В «<Романе в письмах>» Пушкина препятствия, о которых пишет Лиза, оказываются, как узнает читатель из писем ее подруги, мнимыми. В «Последнем Колонне» влюбленные Юрий Пронский и Надежда Горич благополучно сочетаются браком. Трагедия, которая обрывает их жизни, - уже совершенно новый поворот в развитии сюжета, не укладывающийся в традиционную схему эпистолярного романа.

Изменения в традиционном типе сюжета эпистолярного романа можно назвать «минус – приемом». Читатель непременно должен был заметить, что привычные мотивы, схемы отсутствуют в романах или раскрываются по-другому. Трансформация жанрового канона была направлена на более глубокое постижение внутреннего мира персонажей. Читатель теперь следит не за перипетиями любовной истории, не за внешней событийной стороной повест-

¹⁷ Пушкин, А.С. <Роман в письмах> // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 15 т. М., 1998. Т.7. С. 234. Курсив наш. – О.Т.

вования, а за чувствами, переживаниями героев, динамикой их внутренних состояний.

Изменения касаются не только отдельных устойчивых признаков эпистолярного жанра, но, прежде всего, главного его носителя – субъектной организации, отличительной особенностью которой становится несовпадение субъектов речи и субъектов сознания: в рамках писем одного героя могут быть выражены сознания других персонажей. Диалогизм как конструктивный принцип художественного мира эпистолярных произведений эпохи сентиментализма достигался благодаря письменной беседе корреспондентов, когда посланию адресанта соответствовало ответное письмо адресата. В рассмотренных нами романах 30-х годов мы встречаемся с иного рода диалогом. Сознание героя – корреспондента, выраженное посредством его письменного слова, вступает в диалог не только с адресатом, но и с другими «чужими» сознаниями (как пишущих, так и «говорящих» персонажей) в рамках его же писем. Такого рода диалогичность становится способом выражения сложности, противоречивости внутреннего мира пишущего героя, который пытается понять себя через «чужое» слово, увидеть себя в свете «другого» сознания, соглашаясь или споря с ним.

Отступления от жанрового канона, которые наблюдаются в русском эпистолярном романе, свидетельствуют о том, что русские авторы, активно рефлексировав над жанровой традицией, ведут диалог с ней, обнаруживая новые возможности раскрытия психологии пишущего героя. В незавершенном произведении А.С. Пушкина сама литературная традиция впервые становится предметом как рефлексии, так и изображения, благодаря чему открываются пути ее дальнейшего развития, но уже на реалистической основе.

В заключении резюмируются результаты проведенного исследования. Понятие «традиция» выступает в качестве одного из ключевых в работе. Зародившись в английской литературе, жанровая традиция романа в письмах (у истоков которой стоит С. Ричардсон) складывалась на протяжении второй половины XVIII века как общеевропейская. Авторы западноевропейских эпистолярных романов (независимо от их принадлежности к той или иной национальной литературе) ясно осознавали свою причастность к единой традиции, что проявлялось в упоминании имен предшественников и названий их произведений, в рефлексии над жанром, которая «вводилась» обычно в текст переписки героев.

Русские «романы в письмах» сохраняли канонические признаки западноевропейского эпистолярного романа: форму переписки героев – «внутренний» сюжет (при этом ответные корреспонденции могли опускаться, в то же время линий переписок могло быть несколько); фигуру издателя / редактора, оформляющего «внешний» сюжет переписки (хотя допускалась и возможность ее отсутствия); устойчивые сюжетные схемы и мотивы, лежащие в основе «истории» переписки (как правило, такой основой становился «любовный треугольник»); рефлексии над европейской жанровой традицией, которая не только служила средством характеристики персонажей, но и, способствуя созданию ассоциативного фона, обуславливала особенности художественного

мира произведения, а также выступала в качестве знака принадлежности к традиции.

Однако на русской почве указанная традиция, как мы убедились, получила своеобразное преломление в конце XVIII – первой трети XIX веков: она была представлена двумя жанрами – эпистолярной повестью (произведения, относящиеся к этому жанру, нередко получали название «роман в письмах») и собственно эпистолярным романом. Жанровое оформление эпистолярной повести происходит в рамках романтической художественной системы (ее наиболее репрезентативная разновидность – повесть с «молчаливым собеседником»). Роман в письмах, возникающий в русской литературе в эпоху сентиментализма под воздействием западноевропейской жанровой традиции, но затем уступающий по продуктивности эпистолярной повести, импульсы для своего дальнейшего развития получает уже в условиях утверждающегося реализма.

Прослеживая судьбу «романа в письмах» в русской литературе, мы подробнее остановились на периоде 1830-х годов, поскольку именно в это время выходит в свет наибольшее количество эпистолярных романов и повестей, что свидетельствует о высокой востребованности данных жанровых форм. Нам важно было выявить, как вписывается в контекст литературной эпохи 30-х годов, когда романтизм еще остается живым явлением, а реализм уже набирает силу, старая «аристократическая» жанровая форма, рожденная в недрах сентиментализма, чем она привлекает русских писателей.

В отечественных эпистолярных романах и повестях 1830-х годов авторы используют устойчивые для европейского романа в письмах сюжетные схемы, по-своему разрабатывая их. Так, во всех рассмотренных нами повестях и романах этого времени есть традиционный сюжетный мотив «любовного треугольника». Авторам – романтикам он, как правило, нужен для раскрытия противоречивого внутреннего облика центрального героя – современной личности, передачи динамики ее душевной жизни (повести «Роман в семи письмах» А.А. Бестужева, «Любовь поэта» А.В. Тимофеева, «Письма» (неизвестного автора); роман «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера).

Иное художественное воплощение этот же сюжет получает у писателей, тяготеющих к реалистическим принципам изображения: повествование не замыкается на интимной истории отношений влюбленных, авторы включают ее в социально-бытовую (повесть «Роман в двух письмах» О.М. Сомова, роман «Институтка» С.А. Закревской) и даже социально-исторический план (воссоздающийся, например, в романе «Поездка в Германию» Н.И. Греча). Тем самым становится возможным выход за пределы внутренней жизни персонажей – корреспондентов, что существенно раздвигает рамки «романа в письмах».

А.С. Пушкин, экспериментируя в «<Романе в письмах>» со «старой» формой, обнаруживает ее еще не использованный потенциал. Логика романного повествования (а мы придерживаемся мнения тех исследователей, которые полагают, что под пером Пушкина рождалась именно романная форма) свидетельствует о том, что автор стремился к последовательному расши-

рению художественного мира произведения, захватывая все новые и новые сферы изображения.

Главным фактором, обусловившим развитие феномена «роман в письмах», по нашему мнению, стала смена литературных направлений, в рамках которых функционировали его жанровые формы. Так, романтизм существенно трансформировал жанровый канон «романа в письмах», перенося акцент с диалога участников переписки, в контексте которого воссоздавался образ мира в произведении, на индивидуальное сознание романтической личности, ее субъективное восприятие действительности. В центре романтических «романов в письмах» оказывался, таким образом, один герой-адресант, к внутреннему миру которого «стягивалось» все повествование. Менялась в связи с этим и роль адресата: «собеседник» утрачивал самостоятельное значение, будучи подчиненным раскрытию духовной сущности «я» адресанта, его внутреннего, психологического конфликта («Роман в семи письмах» А. Бестужева, «Любовь поэта» А. Тимофеева, «Сильфида» В. Одоевского, «Письма» (неизвестного автора), «Последний Колонна» В. Кюхельбекера). Соответственно изменялась субъектная организация «романов в письмах», представляющая либо одно «монологическое» сознание (романтические повести «Роман в семи письмах» А. Бестужева, «Любовь поэта» А. Тимофеева, «Письма» (неизвестного автора), «Письма Энского...» П. Каменского и др.), либо раскрывающая сознание главного героя, также монологическое, в свете других сознаний («Сильфида» В. Одоевского, «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера).

Свои коррективы в жанровый канон романа в письмах вносит реализм. Реалистические принципы изображения позволили существенно расширить изначально камерные рамки жанра, обогатив его содержание открытием диалектической взаимосвязи между субъективным миром человека и внеположной ему объективной действительностью (««Роман в письмах»» А. Пушкина, «Роман в двух письмах» О. Сомова, «Поездка в Германию» Н. Греча, «Институтка» С. Закревской). Субъектная организация и хронология реалистических «романов в письмах» (или тяготеющих к реалистическим принципам изображения) усложняются: в сознание пишущих героев включаются «чужие» сознания, в их речь вплетаются «чужие» голоса (как пишущих, так и не пишущих – «говорящих» персонажей). Пространственно-временные рамки произведений расширяются, не без поддержки ассоциативного фона, что объясняется стремлением писателей воссоздавать многообразные связи человека с миром.

Развитие феномена «роман в письмах» соответствовало развитию русской психологической прозы в целом, которое шло в направлении неуклонного углубления понимания внутреннего мира человека, совершенствования принципов и приемов его изображения. Точнее, именно жанры «романа в письмах» – повесть и, прежде всего, роман, в силу своей специфики – сосредоточенности на внутренней жизни личности, – способствовали углублению психологизма прозы в тот период, когда определялись дальнейшие судьбы и перспективы развития всей русской литературы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК МОиН РФ:

1. *Третьякова О.В.* Хронотоп «большой дороги» в романе Н.И. Греча «Поездка в Германию» / О.В. Третьякова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2010. - № 21 (202). - Сер. «Филология. Искусствоведение». - Вып.45. - С. 140-144.
2. *Третьякова О.В.* Межкультурный диалог в романе Н.И. Греча «Поездка в Германию» (лингвокультурологический аспект) / О.В. Третьякова // Политическая лингвистика / под ред. А.П. Чудинова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». - Екатеринбург, 2011. - Вып. 1(35). - С. 234-238.

Другие публикации:

3. *Третьякова О.В.* Особенности стиля писем героев в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского / О.В. Третьякова // Шадринские чтения: материалы межрегиональной филологической научно-практической конференции / Шадринск. гос. пед. ин-т. - Шадринск, 2004. - С. 41-43.
4. *Третьякова О.В.* Роль сенсуалистических идей в русской философии XVIII века / О.В. Третьякова // Философия и наука: материалы третьей межвузовской научно-практической конференции аспирантов и соискателей «Философия и наука». Екатеринбург, 21 апреля 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2004. - С. 214-217.
5. *Третьякова О.В.* Стиль писем как средство индивидуализации героев в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» / О.В. Третьякова // Анализ литературного произведения в системе филологического образования: материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы анализа литературного произведения в системе филологического образования: наука – вуз – школа. Екатеринбург, 24-25 марта 2004 / Урал. гос. пед. ун-т; Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник». - Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. - С. 87-93.
6. *Третьякова О.В.* Формирование у учащихся представления о психологизме Ф.М. Достоевского при изучении романа «Бедные люди» / О.В. Третьякова // Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: профильные классы: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука-вуз-школа». Екатеринбург, 24-25 марта 2005 г. / Урал. гос. пед. ун-т; Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник». - Екатеринбург, 2005. - С. 26-30.
7. *Третьякова О.В.* Роман в письмах XVIII – первой трети XIX веков как явление европейской и русской культуры / О.В. Третьякова // Человек в мире культуры: сб. материалов межвузовской научной конференции молодых ученых. - Екатеринбург, 2005. - С. 88-90.
8. *Третьякова О.В.* Эпистолярный роман: проблема жанровой специфики в современном литературоведении / О.В. Третьякова // Littera Terra: сб. студенческих и аспирантских научных трудов / Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2005. - Вып.1. - С. 118-127.

9. *Третьякова О.В.* «<Роман в письмах>» А.С. Пушкина: к проблеме жанра / О.В. Третьякова // *Littera Terra: межвуз. сб. студенческих и аспирантских научных трудов / Урал. гос. пед. ун-т.* - Екатеринбург, 2007. - Вып.3. - С. 17-29.
10. *Третьякова О.В.* «Поездка в Германию» Н.И. Греча: к проблеме жанровой специфики / О.В. Третьякова // *Современные направления научных исследований: сб. по материалам II международной научно-практической конференции «Наука и современность - 2010».* - Новосибирск, 16 апреля 2010: в 3 ч. - Челябинск: Изд-во «Сибспринт», 2010. - Ч.1. - С. 186-192.
11. *Третьякова О.В.* Специфика субъектной организации «Поездки в Германию» Н.И. Греча / О.В. Третьякова // *Современные направления научных исследований: сб. по материалам I международной заочной научно-практической конференции.* Екатеринбург, 20 апреля 2010. - Екатеринбург: Мир гуманитарных наук, 2010. - С. 81-86.
12. *Третьякова О.В.* «Молчаливый собеседник» в эпистолярных повестях 1830-х годов / О.В. Третьякова // *Littera Terra: сб. студенческих и аспирантских научных трудов / Урал. гос. пед. ун-т.* - Екатеринбург, 2011. - Вып.6. - С. 42-50.

Подписано в печать 07.02.12 Формат 60x84 1/16.
Бумага для множ. ап.
Печать на ризографе. Усл. печ. лист. 1,1. Тираж 100 экз. Заказ
3788.
Уральский государственный педагогический университет.
Отдел множительной техники. 620017, Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.ru